

И.П. Лысков

**А.П. Чехов в понимании
критики**

**Москва
«Книга по Требованию»**

УДК 93
ББК 63.3
И11

И11 **И.П. Лысков**
А.П. Чехов в понимании критики / И.П. Лысков – М.: Книга по Требованию,
2021. – 264 с.

ISBN 978-5-517-98556-9

ISBN 978-5-517-98556-9

© Издание на русском языке, оформление
«YOYO Media», 2021

© Издание на русском языке, оцифровка,
«Книга по Требованию», 2021

Эта книга является репринтом оригинала, который мы создали специально для Вас, используя запатентованные технологии производства репринтных книг и печати по требованию.

Сначала мы отсканировали каждую страницу оригинала этой редкой книги на профессиональном оборудовании. Затем с помощью специально разработанных программ мы произвели очистку изображения от пятен, клякс, перегибов и попытались отбелить и выровнять каждую страницу книги. К сожалению, некоторые страницы нельзя вернуть в изначальное состояние, и если их было трудно читать в оригинале, то даже при цифровой реставрации их невозможно улучшить.

Разумеется, автоматизированная программная обработка репринтных книг – не самое лучшее решение для восстановления текста в его первоизданном виде, однако, наша цель – вернуть читателю точную копию книги, которой может быть несколько веков.

Поэтому мы предупреждаем о возможных погрешностях восстановленного репринтного издания. В издании могут отсутствовать одна или несколько страниц текста, могут встретиться невыводимые пятна и кляксы, надписи на полях или подчеркивания в тексте, нечитаемые фрагменты текста или загибы страниц. Покупать или не покупать подобные издания – решать Вам, мы же делаем все возможное, чтобы редкие и ценные книги, еще недавно утраченные и несправедливо забытые, вновь стали доступными для всех читателей.

Серия Книжный Ренессанс

www.samizday.ru/reprint

А. П. Чеховъ свою литературную дѣятельность началъ съ конца 70-хъ годовъ. До 1886 года онъ печаталъ подъ различными псевдонимами свои рассказы въ юмористическихъ изданiяхъ и поэтому онъ пользовался малою извѣстностью, и серьезныхъ и обстоятельныхъ критическихъ статей о немъ не помѣщалось. Первый его сборникъ „Пестрые рассказы“ вышелъ въ 1886 году, а второй „Въ сумеркахъ“—въ слѣдующемъ 1887. Съ этого послѣдняго года и начинается о немъ рядъ статей. Въ 1888 году Чехову присуждена Академiей Наукъ пушкинская премiя. Вслѣдствiе этого количество статей о немъ увеличивается; а что самое важное его начинаютъ оцѣнивать, какъ выдающагося по своему таланту писателя. 1900 годъ, годъ избранiя Чехова академикомъ, особенно богатъ и критическими отзывами. Съ нимъ можетъ развѣ соперничать только 1904-й, годъ смерти, нашего писателя. Для уясненiя особенностей чеховскаго таланта очень важно знать сущность критическихъ характеристикъ о литературной его дѣятельности. Съ этой цѣлью мы и рѣшили передать содержанiе важнѣйшихъ критическихъ статей.

А М Я Т И Ч Е Х О В А.

Неумолимый рокъ унесъ его въ могилу.
Болѣзнь тяжелая туда его свела.
Она была—въ груди и всюду съ нимъ ходила:
Вся жизнь страны родной—болѣзнь его была!

Пророки и вожди, кипя душой мятежной.
Могли быть гнѣвными, могли, любя, карать.
А онъ любилъ людей такой любовью нѣжной,
Какъ любить женщина, какъ любить только мать.

Печали жгучей ядъ онъ выпилъ полною чашей,
Впиталъ въ себя всю грусть, глубокой, какъ родникъ.
И былъ отравленъ онъ тоскою жизни нашей,
Терпѣнемъ рабовъ и тупостью владыкъ.

Дыханье пошлости ему дышать мѣшало.
До гроба мучила холодная вражда.
И, наконецъ, толпа любовью истерзала.
Но былъ онъ одинокъ повсюду и всегда.

Онъ жилъ подъ темною, загадочною властью
Судьбы насмѣшливой, безчувственной и злой,
И капля каждая имъ выпитаго счастья
Была отравлена невидимой рукой.

И, поздно понятый, судимый такъ напрасно,
Онъ умеръ оттого, что слишкомъ жизнь бѣдна,
Что люди на землѣ и грубы, и несчастны,
Что стонетъ подъ ярмомъ родная сторона.

И, оставляя мѣръ, онъ звалъ тебя, свобода!
Послѣдній вздохъ его уже звучалъ тобой,
Онъ чувствовалъ, что даль таитъ лучи восхода,
А ночь еще сильна и давить край родной.

О родина моя, ты вознесешь моленья
И тѣнь прекрасную благословишь, любя.
Но прокляни же ты проклятиемъ презрѣнья
Бездушныхъ торгашей, что продаютъ тебя!

Пусть смерть его падетъ на гадовъ дряхлой злобы,
Чьи руки черствыя обгарены въ кровь,
Кто добивалъ его, а послѣ былъ у гроба
И громче всѣхъ кричалъ о дружбѣ и любви!

Блесни надъ родиной, могучее свѣтило,
Птицъ ночи разгони, пронзи ночную тѣнь
И, возрождая жизнь надъ темною могилой,
Приди, торжественный, давно желанный день!

Первый отзывъ о художественной дѣятельности изучаемаго нами писателя помѣщенъ **К. Арсеньевымъ** въ „Вѣстникъ Европы“ за 1887 г. въ 12 книжкѣ. Статья носитъ заглавіе: „Беллетристы послѣдняго времени“. Стр. 766—775.

Къ изложенію ее мы и перейдемъ.

„Пестрымъ разсказамъ“ Чехова Арсеньевъ придаетъ мало значенія. Главный недостатокъ онъ находитъ, во первыхъ, въ ихъ анекдотичности. Анекдоты при этомъ отличаются несообразностью содержанія и неправдоподобностью происшествія. Примѣромъ неправдоподобности Арсеньевъ считаетъ: „Орденъ“, „Винтъ“, „О вредѣ табака“. Въ особенности содержаніе послѣдняго произведенія отличается невозможностью и невѣроятностью событія. Къ этимъ приемамъ авторъ прибѣгаетъ для того, чтобы придать своимъ разсказамъ комизмъ. Поэтому и комизмъ его является невысокимъ, но онъ и еще ниже, когда къ нему присоединяется скабрзность („Дочь Альбіона“), хотя этотъ недостатокъ встрѣчается рѣдко. Во вторыхъ, въ разсказахъ, при отсутствіи анекдота и неправдоподобія, слишкомъ много зауряднаго. Примѣромъ этой заурядности служатъ: „Надлежащія мѣры“, „Налимъ“, „Хирургія“, „Не судьба“, „Заблудшіе“. Дѣйствующія лица здѣсь походятъ на маріонетокъ.

Въ своемъ достоинствѣ произведенія Чехова выигрываютъ, когда анекдотъ включается въ картину нравовъ. Дѣйствующія лица въ „Пѣвчихъ“ являются живыми. То же надо сказать и о дѣтскихъ типахъ разсказовъ „Дѣтвора“ и „Кухарка женится“. Среди разсказовъ имѣются и такіе, въ которыхъ художникъ обращаетъ вниманіе не на происшествіе и анекдотъ, а на душевное состояніе своего героя, когда онъ беретъ изъ его жизни или моментъ комической или трагической. Таковы: „Сонная одурь“, „Злоумышленникъ“, „Госка“. Здѣсь Чеховъ сразу становится другимъ писателемъ, и его разсказы еще болѣе выигрываютъ въ своемъ достоинствѣ.

Слѣдующій сборникъ „Въ сумеркахъ“, по отзыву Арсеньева, стоитъ выше перваго. Причиной этого является то, что здѣсь а) встрѣчается рѣже анекдотъ и б) онъ изыщнѣе. Анекдоту здѣсь придается значеніе только какъ фона, или оправы. Центромъ „Недобраго дѣла“ служитъ не столько происшествіе или анекдотъ, сколько душевное состояніе одного изъ героевъ этого разсказа, мрачный юморъ обманщика. Въ „Пустомъ случаѣ“ изъ за охотничьяго приключенія выглядываютъ очерченныя фигуры князька и влюбленной въ него женщины. Заключительная сцена разсказа „Въ судѣ“, гдѣ кошвойнымъ оказался по странной случайности сынъ обвиняемаго, не вредитъ характеру произведенія, потому что интересъ его сосредоточивается не на этой сценѣ, а на вяломъ и равнодушномъ отношеніи судей къ судьбѣ чловѣка.

Съ областью происшествія и анекдота жанръ Чехова граничитъ только одной стороною, другой—онъ примыкаетъ къ сферѣ повѣсти и романа. Предъявляя къ разсказамъ этого писателя тѣ требованія, которыя примѣняются къ повѣсти и роману, Арсеньевъ находитъ слѣдующій недостатокъ. Вслѣдствіе непропорціональности между формой и содержаніемъ, которая является изъ за того, что

въ маленькій разсказъ Чеховъ старается включить цѣлое повѣствованіе о жизни героя или героини, его дѣйствующія лица очень часто неясны, смутны и туманны и поступки ихъ неопредѣленны и неправдоподобны. Въ „Вѣрочкѣ“ признаніе въ любви идетъ со стороны дѣвушки. Что побудило ее рѣшиться на этотъ шагъ, въ произведеніи не сказано. Характеры Вѣры и Огнева мы не можемъ уяснить себѣ, потому что объ этихъ герояхъ очень мало данныхъ. Та же неполнота и въ обрисовкѣ психологіи замужней женщины передъ ея паденіемъ въ „Несчастьѣ“. Положенія и характеры то слишкомъ знакомы: Вѣрочка въ разсказѣ того же имени напоминаетъ тургеневскую Асю, то они слишкомъ смутны и неопредѣленны: Лихаревъ („На пути“) задуманъ лучше, чѣмъ исполненъ.

Указанный недостатокъ устраняется, когда тема легко и свободно укладывается въ рамки разсказа. Въ особенности легко удается Чехову воспроизведеніе тѣхъ мгновенныхъ душевныхъ настроеній, которыя понятны безъ углубленія въ прошедшее героевъ. Для пониманія сотскихъ и бродяги въ „Мечтахъ“ не требуется съ ними всесторонняго знакомства. Въ теченіи нѣсколькихъ минутъ мы узнаемъ ихъ настолько, что образы рѣзко запечатлѣваются въ нашей памяти, благодаря ихъ законченности. Та же законченность въ обрисовкѣ типовъ монаха Николая и Геронима въ разсказѣ „Святой ночью“, усиливающаяся еще и благодаря внѣшней обстановкѣ: Николай и Геронимъ ярко выдѣляются, потому что они изображены на фонѣ пасхальной ночи. Изъ разсмотрѣнія, кромѣ указанныхъ разсказовъ, еще и другихъ: „Агафья“, „Вѣдьма“, „Панихида“, „Дѣтвора“, „Событіе“, „Дома“ и „Кошмаръ“ можно сдѣлать тотъ выводъ, что для Чехова доступнѣе всего психологія тѣхъ людей, которые по своей психической организаціи отличаются

крайнею простотою, зависящей от малочисленности и несложности управляющих ими побуждений.

Одна изъ сильныхъ сторонъ чеховскаго таланта это описанія природы, въ которыхъ онъ является свободнымъ отъ подражанія и нашимъ классическимъ и западноевропейскимъ образцамъ. Примѣромъ его талантливыхъ описаній природы надо поставить изображеніе бури въ „Вѣдьмѣ“. Объективность Чехова выражается въ томъ, что онъ рѣдко мѣняетъ роль повѣствователя на моралиста.

Мережковскій. Старый вопросъ по поводу новаго таланта. Сѣверный Вѣстникъ, 1888 г. кн. 11, стр. 77—99.

Мелкіе рассказы, по мнѣнію Мережковскаго, соотвѣтствуютъ настроенію массъ, такъ какъ а) очень часто въ мелочахъ таится душа предмета, б) тонкими психологическими полутонами мы увлекаемся, вслѣдствіе ихъ загадочности. Эти психическія явленія вдвойнѣ интересны для насъ, такъ какъ они малоизвѣстны и скрываются на днѣ всякаго ощущенія. Микроскопическія детали легко передаются маленькими новеллами. Чеховъ принадлежитъ къ беллетристамъ этого новаго типа. Даже его крупное произведеніе „Степь“ не представляетъ исключенія: рассказы слѣплены изъ самостоятельныхъ, коротенькихъ отрывковъ. Въ виду того, что созерцатель-художникъ въ своихъ созданіяхъ неслишкомъ рѣзко обозначаетъ общественную тенденцію, критика отнеслась къ нему не съ тѣмъ вниманіемъ, какого онъ заслуживаетъ.

Рассказы его задушевы, но чувство, которое онъ производитъ въ насъ такъ же неопредѣленно, какъ музыка. Это происходитъ отчасти и потому, что авторъ одинаково любитъ и природу и человѣческой міръ. У большинства писателей эти два элемента исключаютъ другъ друга. Байронъ и Лермонтовъ любятъ природу, но къ людямъ относятся съ презрѣніемъ. Диккенсъ, Тек-

керей и Достоевскій заняты исключительно изображеніемъ человѣка. Совсѣмъ другое мы видимъ у Чехова. Природа у него не декорация и не фонъ разсказа, а часть самой жизни—основная грандіозная мелодія, въ которой звуки человѣческихъ голосовъ то выдѣляются, то исчезаютъ, какъ отдѣльные аккорды. У этого повеллиста есть инстинктивное пониманіе бессознательной жизни природы. Природа поглощаетъ его цѣликомъ, подавляя своими тайнами и величіемъ. Въ его описаніяхъ чувствуется глубокой осадокъ поэтической грусти. Онъ иногда какъ будто ненарокомъ броситъ мелкую черточку, отъ которой вся картина вспыхиваетъ съ яркостью галлюцинаціи.

Но мистическое чувство, возбуждаемое въ немъ природою, не ослабляетъ сочувствія къ человѣческому горю. Одинъ изъ героевъ Чехова восклицаетъ: „Въ жизни нѣтъ ничего дороже людей“. Это можно поставить эпиграфомъ ко всѣмъ произведеніямъ. Нашъ авторъ любитъ человѣка за то, что онъ слабый, жалкій и смѣшной. Герои его заурядные люди. Но, несмотря на это, мы привязываемся къ нимъ, сочувствуя ихъ горю. „Въ Мечтахъ“ бродяга, конвоируемый сотскими, отдается, какъ поэтъ, радужнымъ, но несбыточнымъ мыслямъ объ устройствѣ своей жизни. Даже сотскіе увлекаются его мечтами. Чувствуя въ словахъ сотскихъ неуловимую правду о своей смерти, онъ весь дрожитъ, трясетъ головой. Личность его дѣлается трагичной и для насъ симпатичной. Въ этомъ произведеніи замѣтно взаимодействіе двухъ началъ—описаній природы и тонкой бытовой наблюдательности. Замѣчательны въ этомъ отношеніи заключительныя слова отрывка: „на травѣ виснутъ тускляя, недоброя слезы“. Чеховъ иногда отдается во власть мелкимъ и жгучимъ вопросамъ будничной жизни и обыденному горю маленькихъ людей. „Кошмаръ“ является любопытнымъ примѣромъ этого настроенія художника. Разсказъ этотъ

своей крайней простотой, жизненностью и тонким юмором сближает Чехова с Г. Успенским. Это родство его с Успенским еще болѣе увеличивается и потому, что въ „Кошмарѣ“ нѣтъ ни одной лирической черты, ни одного описанія природы. Очень часто въ качествѣ результата воображенія будничной жизни съ ея обыденными явлениями вытекаютъ важные и серьезные для жизни вопросы. Такъ большая нравственная задача поставлена во „Врагахъ“. Личное горе Абогина и Кирилова раздѣляетъ ихъ, мѣшаетъ имъ понять другъ друга. Кто правъ, суровый ли, но честный и трудящійся докторъ или мягкій и добродушный сибаритъ Абогинъ? Поэтъ одинаково ихъ любитъ, такъ какъ оба они несчастные люди. Одному прощается авторомъ роскошь и бездѣтельность, а другому черствость.

Изображеніе характеровъ у Чехова не достигло полного развитія. Это зависитъ отъ того, что самая форма маленькихъ рассказовъ, коротенькихъ новеллъ заставляетъ изображать героевъ черезъ-чуръ внѣшними чертами. Фигуры мелькаютъ, какъ рядъ силуэтовъ, освѣщенныхъ свѣтомъ, похожимъ на свѣтъ молніи. Но все же есть одинъ излюбленный герой, чаще удающійся; это-мечтатель-неудачникъ, идеалистъ и поэтъ женственно кроткій, но лишенный воли, получающій жестокіе уроки отъ дѣйствительности, но сохранившій способность вѣрить. Онъ является у него каторжникомъ-бродягой, монахомъ, слагающимъ акафисты, интеллигентомъ, увлекающимся прогрессивными идеями и безпечнымъ бобылемъ Савкой. Въ рассказѣ „На пути“ этотъ типъ разработанъ глубже и шире, чѣмъ въ другихъ чеховскихъ миниатюрахъ. Въ особенности онъ хорошо очерченъ со стороны его увлеченій. Во время своего разсказа Иловойской о своей жизни, полной разными приключеніями, Лихаревъ, самъ не замѣчая того, успѣлъ увлечься и сѣсть на новый

конекъ о милосердіи женщинъ. Неудачники Чехова симпатичнѣе, когда они помѣщены въ интеллигентную среду, гдѣ они не думаютъ много о себѣ, подобно Лихареву, а живутъ вблизи природы, счастливые внутреннимъ міромъ. Такой неудачникъ выведенъ въ лицѣ Савки. Фигура его поставлена на фонѣ тихой лѣтней зари. Неудачникъ въ лицѣ монаха Николая („Святой ночью“) принимаетъ смутныя, полуфантастическія, но необычайно привлекательныя очертанія. Это зависитъ и отъ характера воспоминаній о немъ Іеронима, окрашенныхъ легендарной мистической прелестью.

Въ изображеніи героевъ есть и свои недостатки. Типъ Лихарева не настолько реальный и жизненный, какимъ онъ можетъ показаться, благодаря прочувственному тону его исповѣди. Невѣроятны его безчисленныя похождения тѣмъ болѣе, что каждое увлеченіе его гнуло въ дугу, а между тѣмъ онъ во время разсказа въ полномъ расцвѣтѣ силъ. Возможны два предположенія: или авторъ самъ увлекся настолько, что хватилъ черезъ край, или что Лихаревъ-актеръ, обманывающій Иловайскую. Во всякомъ случаѣ дряблая уступчивость Лихарева каждому новому вѣянію граничить „съ подлостью“. Странно, что и Чеховъ раздѣляетъ увлеченіе институтки. Лужи, въ которыхъ плавалъ Лихаревъ, принимаются за океанъ. Савка въ разсказѣ „Агафья“ обрисованъ черезъ чуръ эскизными штрихами, реальныхъ чертъ въ его біографію не прибавлено.

У Чехова нѣтъ психологическаго развитія характеровъ, нѣтъ ни интриги ни завязки, нѣтъ и тенденцій, всѣхъ тѣхъ свойствъ, какими обычно отличаются современные романы и повѣсти. Но эти кажущіеся недостатки у него искупаются слѣдующими качествами. Будничныя сцены настолько умѣло освѣщаются задушевымъ чувствомъ, что разсказы получаютъ не только художе-

ственное, но и идейное значеніе. Затѣмъ, у него можно услѣдить одно драматическое положеніе. Онъ любитъ противопоставлять въ ихъ рѣзкой противоположности два психологическихъ элемента: а) разлагающій анализъ и в) бессознательную силу инстинкта, чувства, страсти. Очень часто изображаются сложныя перипетіи борьбы этихъ элементовъ. Элементъ чувства выставляется у Чехова или 1) какъ нѣчто стихійное, разрушительное, но грандіозное, болѣе могущественное, чѣмъ критическая способность, или 2) какъ нѣчто спасительное, идеальное, какъ вѣчная правда, которая будучи поругана вырывается наружу и побѣждаетъ своей красотой. Въ „Вѣрочкѣ“ изображенъ типъ съ дряблой волей. Огневъ обреченъ на собачью старость въ 30 лѣтъ, благодаря тому, что онъ измученъ копаніемъ въ собственной душѣ. Этотъ разлагающій анализъ погубилъ въ немъ непосредственное, простое чувство. Огневъ дѣлается смѣшнымъ предъ чувствомъ влюбленной въ него дѣвушки. Таковъ же и прокуроръ въ рассказѣ „Дома“. Въ судѣ онъ очень легко разрѣшаетъ различные казусы, но оказывается несостоятельнымъ предъ семилѣтнимъ ребенкомъ. Только одно непосредственное чувство вывело его изъ затрудненія, и ребенокъ понялъ своего отца.

Въ изучаемыхъ нами произведеніяхъ нѣтъ тенденцій. Чувство, одушевляющее героевъ, не есть какое либо политическое направленіе, а задушевная гуманность. Чехова надо причислить къ служителямъ чистаго искусства, въ смыслѣ отсутствія у него узкой фанатической нетерпимой формулы. Но все же дѣятельность его полезна. Своими новеллами онъ увеличиваетъ сумму эстетическихъ наслажденій и раздвигаетъ предѣлы человѣческой чувствительности. Чеховскіе рассказы, будучи свободными отъ тенденціозности, имѣютъ и важное общественное значеніе. „Враги“, „На пути“ и многіе другіе доказываютъ, что